

И. В. ГОЛОВАЧЕВА

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО "ДИВНОМУ НОВОМУ МИРУ"
И ВОКРУГ

Ирина Владимировна Головачева Путеводитель по «Дивному новому миру» и вокруг

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711262

Путеводитель по «Дивному новому миру» и вокруг: Издательский Дом

ЯСК: Языки славянской культуры; М.; 2017

ISBN 978-5-94457-318-6

Аннотация

Книга представляет собой психобиографический, историко-культурный и литературоведческий комментарий к самой известной утопии XX в. – романа Олдоса Хаксли «Дивный новый мир» (1932). Футуристический текст Хаксли, в отличие от гораздо более радикального и однонаправленного романа Джорджа Оруэлла «1984», – концентрированное выражение духа модерности, логичное художественное подведение итогов проекта Просвещения. Это первая русскоязычная монография, предлагающая всесторонние комментарии, проясняющие подтексты и контексты этого в высшей степени двусмысленного и жанрово-двойственного романа, а также других, связанных с ним, текстов Хаксли. В книге подробно освещен «роман писателя с наукой», тот взаимообмен идеями, который существовал между ним и его научным окружением. Особое внимание

уделено психологическим, биографическим источникам фобий и неврозов писателя, обусловивших его восприятие исторических событий, научных концепций и их применения. «Дивный новый мир», как и другие утопии Хаксли, рассматривается, в частности, как сеансы терапии творчеством, как способ, позволивший ему составить непротиворечивую картину современного мира и разобраться с одолевавшими самого писателя кошмарами.

Содержание

Благодарности	6
Введение	9
Глава I	28
1. Невротические комплексы	28
2. Политика как биография: война, революция и снова война	52
Первый шок: Великая война	53
Конец ознакомительного фрагмента.	65

И. В. Головачева

**Путеводитель по «Дивному
новому миру» и вокруг**

© И. В. Головачева, 2017

© Издательский Дом ЯСК, 2017

© Языки славянской культуры, 2017

Благодарности

Прежде всего я выражаю глубокую благодарность моим коллегам, членам Aldous Huxley Society, за консультации, практическую и моральную поддержку, которую они оказывают мне с момента моего вступления в это научное и дружеское сообщество в 2003 г. Особые слова искренней признательности я обращаю профессорам Бернфриду Нугелю (Университет Мюнстера), Дэвиду К. Данауэю (Университет Нью-Мексико), Джоан Уайнз (Калифорнийский лютеранский университет). Я благодарна всем редакторам и рецензентам моих публикаций в Aldous Huxley Annual и в сборниках трудов конференций, а также неутомимым организаторам симпозиумов, посвященных Хаксли и его эпохе (в Риге, Оксфорде и Альмерии). Я признательна Санкт-Петербургскому государственному университету за предоставленные мне гранты на участие в этих научных событиях.

Работая над этой, второй, книгой об Олдосе Хаксли, я продолжала пользоваться результатами моих американских штудий, которые стали возможны благодаря Фонду Фулбрайта и Фонду Флетчера Джоунза (Huntington Library), предоставившим мне гранты на исследования жизни и творчества писателя в библиотеках и архивах США в 2003–2004 гг.

Я выражаю благодарность «Издательскому Дому ЯСК»

за интерес к моей работе и лично Г. В. Бондаренко за понимание трудностей работы автора. Я благодарю Российский фонд фундаментальных исследований за предоставление гранта на создание и публикацию этой монографии.

Эта книга не была бы полной без иллюстраций. Особые слова признательности я обращаю в адрес моего коллеги по Aldous Huxley Society Питеру Вуду (Peter Wood) за разрешение опубликовать фотографию О. Хаксли в нью-йоркском отеле. Не менее ценны фотографии, на которых запечатлены моменты из студенческого периода жизни писателя. Право публиковать снимки, принадлежащие архивам Оксфордского университета, предоставил Колледж Баллиол (The Masters and Fellows of Balliol College, Oxford). Я также получила поддержку и одобрение хранителей-правообладателей наследия Олдоса Хаксли (the trustees of the Aldous and Laura Huxley Literary Trust).

Появлению некоторых разделов этой книги способствовали трудные вопросы, заданные моими друзьями и коллегами, особенно Ксаной Бланк (Принстонский университет), Ольгой Пановой (МГУ им. М. В. Ломоносова) и Александрой Ураковой (НМЛИ РАН). Для меня было ценным одобрение со стороны Натальи Грякаловой (ИРЛИ РАН, Пушкинский Дом) и Константина Азадовского, члена-корреспондента Германской академии языка и литературы (Дармштадт).

Неизменную интеллектуальную и эмоциональную помощь оказывали мои близкие – Михаил Журавлев, Татьяна

Черниговская и Екатерина Григорьева.

Введение

Предлагаемый читателю «Путеводитель по “Дивному новому миру” и вокруг» задуман как историко-культурный и литературоведческий комментарий не только к самой известной утопии XX в. – роману Олдоса Хаксли «Дивный новый мир» (*Brave New World*, 1932), но и связанным с ней текстам этого писателя. Такой расширенный подход вызван наличием многочисленных отдельных «миров», сфер бытия и сознания, которые писатель включил в свой тщательно выстроенный романный мир, где ничто в государственном, бытовом и ментальном устройстве социума и индивидуума не было им проигнорировано. «Расширенная оптика» понадобилась мне, чтобы дать читателю объемное видение того, из каких источников возник роман, какие горизонты автор открыл миру и какое продолжение он получил в других художественных текстах и нон-фикшн Хаксли. Поскольку автор продолжал размышлять на те же темы до конца жизни, о чем свидетельствует его книга «Возвращение в дивный новый мир» (*Brave New World Revisited*, 1958), с нашей стороны, было бы упущением остановить рассказ на 1932 г., когда увидела свет его первая утопия. Олдос Хаксли не ограничился одной фантазией о будущем. И, несмотря на то, что «Дивный новый мир», который по-прежнему является бестселлером, – это центральный сюжет моей книги, я полагаю,

что не меньший интерес вызывают у читателя и два других романа Хаксли – язвительная постапокалиптическая «Обезьяна и сущность» (*Ape and Essence*, 1947) и полный надежд на выздоровление человечества «Остров» (*Island*, 1962).

Литературная фигура Олдоса Хаксли несет на себе отчетливые отпечатки почти всего, что было характерно для двух эпох.

Первая эпоха: межвоенные десятилетия с присущим им нигилизмом, духом модерности, началом краха проекта Просвещения, Великой депрессией и очарованием тоталитаризмом. Хаксли был одним из немногих деятелей культуры на Западе, кто не поддавался чарам советской пропаганды. Он усматривал именно в российском коммунизме непростибельный идеализм и называл большевиков недалёковидными романтиками, убежденными в том, что человек – лишь общественное животное, которое путем дрессировки можно превратить в идеальную машину. О. Хаксли относится к тем западным интеллектуалам 1920—1930-х гг., которые считали идеи равенства и отмены частной собственности опасными выдумками. Тогда писатель не находил никаких практических обоснований эгалитаристским убеждениям и полагал, как и, например, Герберт Уэллс, что мудрое правление может осуществляться лишь интеллектуальной аристократией с предоставлением избирательного права только тем, кто успешно прошел тестирование уровня своего умственного развития.

Вторая эпоха: 1950-е и начало 1960-х гг. – постъядерное время, предшествовавшее эре Нью Эйдж (*New Age*). В большей мере, чем любой другой англо-американский писатель, Хаксли выразил устремления Западного Духа, обновленное мироощущение, требовавшее адекватной религиозной философии, которая синтезирует мудрость Востока (йогу, дзен-буддизм, даосизм, махаяна-буддизм) и научный прагматизм Запада. Проповеди Кришнамурти и лекции Алана Уоттса, попытки парапсихологов нащупать «срединный путь», поиск альтернативных способов расширения или исцеления сознания, предпринятый психиатрами, – все это так или иначе присутствует в послевоенных текстах Хаксли, давая нам самое яркое представление о духе времени. Особенно впечатляющим итогом практик и размышлений писателя, пришедшихся на эту, вторую эпоху, стал его заключительный роман «Остров», который, на мой взгляд, можно считать совсем не фантастической, в принципе осуществимой, и самой привлекательной утопией, написанной в XX в.

Олдос Хаксли получил поистине сказочное культурное наследство по двум генеалогическим линиям. Его дед по отцовской линии – великий биолог-эволюционист Томас Генри Гекели (Хаксли, 1825–1895). Дед по материнской линии – великолепный поэт и просветитель Мэтью Арнольд (1822–1888). Наследственность, предоставившая потомку викторианских мэтров выбор из равно привлекательных для него *art* или *science*, возможно, сыграла не последнюю роль в укреп-

лении его решимости этого выбора избежать. Почти полностью ослепший еще в школьные годы писатель не смог пойти по стопам деда-биолога, он поступил на филологическое (английское) отделение оксфордского колледжа и стал, очевидно бессознательно, стремиться «объять необъятное», то есть каким-то образом соединить научную мысль и литературу.

Сам Хаксли не раз признавался, что не является «подлинным писателем», способным легко придумывать сюжеты и создавать полнокровные убедительные образы. Отказываясь причислить себя к разряду прирожденных подлинных художников слова, Хаксли вовсе не скромничал. Обладая безукоризненным вкусом (чтобы в этом убедиться, достаточно просто перелистать книжку его путевых заметок «В дороге» (*Along the Road*, 1925) или почитать бесчисленные эссе о музыке, живописи, театре, литературе и прочих предметах, которые он публиковал в журналах *Athenaeum*, *Vanity Fair*, *Weekly Westminster Gazette*), он прекрасно осознавал свое место в литературном пантеоне и никогда не поставил бы себя на одну ступень с Шекспиром, Бальзаком, Стендалем. Диккенсом, Конрадом, Чеховым или Толстым:

Если бы я мог родиться заново и выбрать, кем стать, я бы пожелал стать ученым – и стать им не по воле случая, а по природному предназначению. <... > Единственное, что заставило бы меня усомниться – это художественная гениальность, будь она предложена

мне судьбой. Но даже если бы я мог стать Шекспиром, думается, я все равно предпочел бы стать Фарадеем¹.

Всю жизнь Хаксли думал о том, как отдельный человек может избежать ужасов личного и социального бытия, в том числе и ужасов бытия грядущего. Выразил он свои размышления совсем не так, как выдающиеся художники эпохи, не так, как Кафка или Джойс. Сражаясь со страхами, комплексами и невротами, о которых пойдет речь в Главе I этой книги, Хаксли проявил себя, прежде всего, как интеллектуал. Серьезно занимаясь восточными религиями и философией, он не удалился в ашрам, не ушел в пустыню или в келью. Может быть, поступи писатель таким образом, он бы нашел ответы на вопросы, всю жизнь его занимавшие. Но мир, скорее всего, ничего бы об этом не узнал.

Не будет преувеличением, если мы скажем, что Хаксли писал обо всем на свете. На первый взгляд, Хаксли уделял слишком много (для литератора) внимания психобиологическому аспекту жизни человека. Что он мог знать об этой стороне человеческого бытия? Он не был биологом, как его знаменитые дед и брат (Джулиан стал первым директором ЮНЕСКО). Не был он и психологом, как многие его знакомые. Однако всю жизнь Олдоса Хаксли окружали не только великие писатели, религиозные мыслители, актеры и компо-

¹ Huxley A. A Night at Pietramala // Complete Essays of Aldous Huxley / Ed. Robert S. Baker and James Sexton. Vol. I. Chicago: Ivan R. Dee, 2000. R 399. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, переводы мои. – И. Г.

зиторы (Д. Г. Лоуренс, К. Ишервуд, Т. Манн, Дж. Кришнамурти, Ч. Чаплин, братья Маркс, И. Стравинский и др.), но и многочисленные ученые, которые были в своих областях, несомненно, выдающимися фигурами (Б. Рассел, Дж. Холден, Э. Хаббл, Ф. Перлз, А. Маслоу, К. Роджерс и пр.).

Идеи, над которыми он так напряженно размышлял в течение своей жизни (в разные периоды это были разные области знания, но биология, демография и терапия были его постоянными увлечениями), нашли свое воплощение, к счастью, не только в культурологических или социологических трактатах, но и в его романах.

Научная достоверность и точность, в сущности, находят за пределами художественности. Однако в том случае, если такой литератор, как Хаксли, стремится достичь не просто правдоподобного, но достоверного изображения придуманного им мира, так или иначе представляющего проекцию современной ему действительности, научная подоплека художественной реальности становится основой эстетического замысла. Ясность и наукообразие художественного проектирования, начиная с 1930-х г., стали, очевидно, одной из важнейших задач автора.

В книге, написанной через 15 лет после «Дивного нового мира», – «Наука, свобода и мир» (*Science, Liberty and Peace*, 1946) – Хаксли изложил свои размышления о тех опасностях, что готовят человечеству практически любые открытия в науке и технике, ибо они приведут лишь к новому, более

существенному, имущественному и правовому неравенству во всем мире. Хаксли полагал, что наука оказывает все более существенное влияние на дух, сознание и на абсолютно все стороны жизни человека и планеты. Следовательно, писатель просто-напросто не может ее игнорировать. Разумеется, это спорная точка зрения. В современной литературе найдется немало литераторов, словно не замечающих того, в каком времени они живут. Но у Хаксли не было ни малейшего сомнения в значительности того места, которое должна занимать наука в современной культуре.

О. Хаксли удалось не столько предвосхитить, сколько достаточно точно *спрогнозировать* многие, если не все, существенные приметы и болевые точки современной жизни индивидуума и социума. Заблуждением является мысль о том, что «Дивный новый мир» – результат уникального прогностического дара, и что Хаксли, обладая талантом прорицателя, просто-напросто предсказал сущностные цивилизационные изменения и сдвиги в сознании. Свою задачу я вижу в том, чтобы доказать, что в значительной степени образность «Дивного нового мира», равно как и «Острова», проистекает, в первую очередь, из осведомленности писателя, его научного мировоззрения.

Можно было бы предположить, что прогнозы Хаксли оказались столь основательными и верными благодаря общению с выдающимися учеными и что Хаксли попросту «подхватывал» новые идеи и исследовал их на уровне, доступном

строго мыслящему дилетанту с художественным воображением. Это предположение справедливо лишь отчасти. Не выдающиеся ученые, его корреспонденты, а блестяще образованный дилетант Хаксли часто оказывался первым в постановке проблемы: он первым заговорил о возможностях, которые предоставляют посткапиталистической экономике новые методы репродукции и генной инженерии, он первым начал фантазировать о тех перспективах, что открывают новые психоактивные вещества психотерапевту, мистика, художнику и даже политику.

Идеи, помещенные Хаксли в литературный текст, оказали воздействие не только на неподготовленных читателей, но и на представителей научного мира. И хотя подобный круговорот идей характерен не только для этого романиста, этот феномен особенно ярко высвечивается именно на его примере, потому что, во-первых, Олдос Хаксли близко общался и зачастую сотрудничал с ведущими учеными-естественниками своей эпохи, и, во-вторых, потому что целый ряд научных достижений и прогнозов относительно эволюции человечества стали в дальнейшем соотноситься с его текстами.

«Дивный новый мир» именно потому занимает уникальное положение в общем ряду фантастических футурологических произведений, что, с одной стороны, этот роман зиждется на твердом основании из реальных научных достижений, открытий и вполне, как показало время, реалистических прогнозов. С другой стороны, этот текст направил

и продолжает направлять читательские ожидания не только в отношении позднейшей прогностической художественной литературы, но и в отношении научного прогресса в целом. Не напиши Хаксли о клонах 86 лет назад, скорее всего, мир не выразил бы столь тревожных подозрений относительно перспектив, открывшихся после рождения-изготовления овечки Долли. Это же справедливо и в отношении «обусловливания», промывания мозгов и химического одурманивания населения.

О верности фантазий О. Хаксли, в отличие от футурологических прогнозов Дж. Оруэлла, говорит и Фрэнсис Фукуяма в главе «Повесть о двух антиутопиях» книги «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции»²: «Цель нашей книги – утверждение, что Хаксли был прав, что наиболее серьезная угроза, создаваемая современной биотехнологией, – это возможность изменения природы человека и, в силу того, – перехода к “постчеловеческой” фазе истории»³.

Все это делает фигуру Хаксли уникальной даже среди множества столь разных, но и во многом похожих выдающихся интеллектуалов двадцатого века. Несомненно, такой мыслитель заслуживает самого внимательного исследо-

² Fukuyama F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002.

³ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, ЛЮКС / Пер. с англ. М. Б. Левина, 2004. С. 7.

вания. Неудивительно, что за последние 18 лет сложилось международное научное сообщество специалистов по творчеству Хаксли и его эпохе (Aldous Huxley Society), возникшее по инициативе англистов Мюнстерского университета (Германия). В основном усилиями профессора Бернфрида Нугеля, президента Общества, собрана обширная постоянно пополняющаяся библиотека и осуществляются научные издания, публикуемые издательством LIT Verlag: журнал *Aldous Huxley Annual* (далее – АНА) и книги из серии «Возможности человека: труды об Олдосе Хаксли и современной ему культуре» (*Human Potentialities: Studies in Aldous Huxley & Contemporary Culture*). Состоялись шесть международных симпозиумов, посвященных Хаксли, его эпохе, современным прочтениям его текстов, их влиянию на мировую культуру. Ценность *Aldous Huxley Annual* состоит кроме всего прочего в том, что данный журнал вводит в научный оборот ранее не издававшиеся тексты Хаксли, в основном его журнальные публикации. Они неизменно снабжаются подробным текстологическим и источниковедческим комментарием. В целом, АНА в совокупности с материалами шести симпозиумов, дают исчерпывающее представление о горизонтах хакслеведения – о том, в какие стороны направлены интересы и амбиции критиков, занимающихся этим автором⁴.

⁴ См., например, доклады Мюнстерского симпозиума: Now More Than Ever: [Proceedings of the Aldous Huxley Centenary Symposium]. Muenster, 1994 / Ed.

Центральным сюжетом настоящей книги является утопический роман «Дивный новый мир», который стал переломным в творчестве Олдоса Хаксли, т. к. несколько не похож на его прежние рассказы и романы «Желтый кром» (*Crome Yellow*, 1921), «Шутовской хоровод» (*Antique Hay*, 1923), «Те сухие листья» (*Those Barren Leaves*, 1924) и «Контрапункт» (*Point Counter Point*, 1927). «Дивный новый мир» давно озадачивал меня своей двусмысленностью. Прежде всего, я стремилась решить вопрос о том, в самом ли деле этот роман является безоговорочно антиутопическим. Именно так квалифицируют это произведение большинство критиков и авторов учебников. Стремясь найти объяснения своим «колебаниям», неизменно возникавшим при каждой попытке осмыслить это произведение, я решила определить в самом тексте «внутренние напряжения» и разрешить загадки доступными литературоведущими способами. Как пишет Жан Старобинский, сложность процесса реконструкции смыслов определяется следующим: «Трудно разделить в произведении то, что делает его фактом своего времени, приемлющим и проявляющим ценности этого времени, и то, что несет в себе критику (в смысле отрицания) тех же самых ценностей. Произведения литературы, сознательно или бессознательно

Berfried Nugel. Frankfurt am Main; Berlin: Peter Lang, 1995, а также: Aldous Huxley, *Man of Letters: Thinker, Critic and Artist*. Proceedings of the Third International Aldous Huxley Symposium. Riga 2004 / Ed. Bernfried Nugel, Uwe Rasch and Gerhard Wagner. Berlin: LIT Verlag, 2007.

со стороны их авторов, бывают не лишены противоречий»⁵.

Весьма продуктивен и следующий тезис Старобинского: *внешнее окружение* писателя состоит из всего, что произведение преодолевает, и всего того, что преодолевает его. *Внешние напряжения* улавливаются критиком, если критик соотносит произведение и с его психическими истоками, и с окружающей средой. «При этом основные указания приходят по большей части не извне – их можно найти в самом произведении, надо только уметь их вычитывать»⁶. Я ставлю задачу уловить, «вычитать» подобные «указания» в произведениях Хаксли, непременно соотнося их с соответствующими психобиографическими факторами (в том числе с травмами, болезнями и фобиями), с экстралитературными, в том числе научными, событиями. К последним относятся: знакомство Олдоса Хаксли с классическими трудами в разных областях и с новейшими на тот момент художественными и научными публикациями, встречи с их авторами, участие в научных конференциях, семинарах, его работа в исследовательских центрах и лабораториях.

Одной из важных задач мне представляется описание разнообразных исторических, политических, антропологических и естественно-научных идей, которые легли в основу построения Мирового Государства, а также двух других ми-

⁵ Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1 М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 41.

⁶ Там же. С. 12.

ров, изображенных в «Обезьяне и сущности» и «Острове». Без подобных раскопок исследователь обречен домысливать авторский замысел, наполняя его произвольными смыслами. При беспристрастном рассмотрении эти три текста демонстрируют довольно редкий в большой литературе случай, когда «что» важнее «как» – конкретное наполнение идеями гораздо значительней его выражения. Именно в такой связи мной проанализированы многочисленные научные гипотезы и теории, в той или иной мере ассимилированные (принятые или отвергнутые) писателем. Разумеется, наибольшую объективность может обеспечить подробное рассмотрение «круга чтения» Олдоса Хаксли, т. к. в идеале для понимания феномена этого автора надо знать все, что знал он.

Очевидно, что писатель вовсе не случайно сделал акцент именно на таких сферах утопического конструирования, как медицина, психология и социобиология. Они, как показали, в частности, исследования Мишеля Фуко, изначально идеологизированы и обладают охранительной функцией, т. е. направлены на достижение порядка и сохранения определенной статусности. Именно такие интенции характерны для любого утопического строительства. Как демонстрирует М. Фуко, идеология не исключает научности, точно так же, как наука не исключает идеологичности⁷. Этот тезис полностью

⁷ Анализу этой корреляции посвящены книги М. Фуко, в частности: Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: А-сэд: Талисман, 1994.

подтверждается текстами Олдоса Хаксли, который одним из первых разглядел идеологическое содержание психологии и биологии – на первый взгляд, далеких от идеологии областей.

Именно О. Хаксли ввел в сферу публичного обсуждения комплекс морально-этических, социальных и медицинских проблем, вставших перед общественным сознанием вследствие научных открытий. Писатель не сомневался, что темы, непосредственным образом затрагивающие саму биологическую природу человека и целостность человеческой личности, должны обсуждаться повсюду, а не только в научных кругах. Он одним из первых заговорил о том, что медицина и психология, не учитывающие духовное измерение личности, примитивны, ибо ложно истолковывают человеческую природу. Позднее такая точка зрения легла в основу биоэтики. Блестящие сочинения Олдоса Хаксли на биоэтические темы уже сами по себе гарантируют ему достойное место в истории культуры. Актуальность того, о чем О. Хаксли говорил еще полстолетия назад, несомненна, ибо вокруг современной медицины и психологии все чаще возникают споры о свободе и достоинстве пациента. В самом деле, в биомедицинской практике человек выступает как субъект, на благо которого, якобы, направлены все достижения науки. Между тем, как известно, нередко этот самый субъект редуцируется до уровня «биологического материала», по существу становясь объектом манипуляций. Возьмем в качестве приме-

ра дискуссии о современном статусе эмбриона/индивидуума, об угрозе человеческому достоинству, постоянно возникающей из-за злоупотреблений новейшими технологиями.

Сферы культуры, выбранные мной для анализа, были подсказаны самим Олдосом Хаксли, точнее, избранной им самой стратегией утопизации, которой, на мой взгляд, подчинено большинство его художественных и критических текстов с середины 1920-х гг. Каждая такая «территория», рассматриваемая мной, соотнесена с определенной сферой утопизации и охватывает как дискурсы, которые в дальнейшем легли в основу науки, так и дискурсы, оставшиеся на ее периферии. Те научные области, к анализу которых я прибегаю в этой книге, нельзя считать *достаточными условиями* для возникновения замыслов и самих текстов Хаксли. Однако осмысление их писателем явилось *необходимым условием* осуществления его творческих интенций. Произведения Хаксли отсылают нас не только к непосредственному *историческому и биографическому* контексту, но и к тем явным и подспудным процессам, что происходили в современной писателю *науке*. Их невозможно игнорировать, как невозможно не замечать факты писательской биографии, те личные трагедии и исторические драмы, которые ему довелось пережить.

«Дивный новый мир», в отличие от гораздо более радикального и однонаправленного романа Джорджа Оруэлла «1984», это концентрированное выражение духа модер-

ности, логичное художественное подведение итогов проекта Просвещения. Хаксли, казалось, не упустил ни одну модную тенденцию в общественной жизни 1920-х гг. Стрелы его остроумия были направлены на все подряд: он высмеял моду на естественность, в том виде, как ее понимал его друг Д. Г. Лоуренс, моду на Фрейда, на Маркса и Энгельса, на Троцкого и революцию. В романе отразилось и всеобщее увлечение спортом и танцами, погоня за массовыми товарами и массовыми развлечениями, советские пятилетки, Павлов, Голливуд и джаз. Он ловко жонглирует именами: особенно смешной, должно быть, представлялась религия Дивного нового мира, в которой Форд с его конвейерами соединен и окончательно переплетен с Фрейдом. Результатом стал сплав воплощенной Американской мечты и «успешного психоанализа масс». Многие в романе, что называется, лежат на поверхности. Но многое требует извлечения на свет.

Одна из задач, встающих как перед читателем, так и перед критиком «Дивного нового мира», – это определение жанра, что предполагает обозначение круга терминов для разговора о сути утопии и связанных с ней тем и сфер культуры. В рассуждениях о романе Хаксли нельзя не предусмотреть диахроническую и синхроническую перспективу: мы непременно должны учитывать предшествовавшие этому тексту литературные утопии и главные утопические проекты, а также ту литературную ситуацию, которая имеет непосредственное отношение к созданию данной утопии.

Часть возникающих вопросов может быть разрешена путем реального комментирования, т. е. разъяснения исторических, фактографических и биографических источников⁸. Трудность, однако, состоит в том, что чем разнообразнее процедуры реконструкции истории замысла, а также реальных обстоятельств авторской работы над романом, тем более противоречивой представляется окончательная картина, тем загадочнее прагматика этого произведения. Как никакой другой текст Хаксли (и как никакая другая утопия или антиутопия), «Дивный новый мир» озадачивает как своей двусмысленностью, так и жанровой двойственностью. Чем же объясняется когнитивный диссонанс, возникающий при чтении этого романа, который квалифицируется одними как утопия, другими как антиутопия, а третьими как дистопия?

В ходе пристального чтения «Дивного нового мира» возникает немало вопросов. Прежде всего, действительно ли Новый мир столь безоговорочно отвратителен и бесчеловечен? Ведь агрессия и войны полностью искоренены, 99 % живущих в Новом мире людей счастливы. В Мировом Госу-

⁸ Две лучшие книги о романе «Дивный новый мир» написаны Робертом Бейкером (*Brave New World: History, Science, and Dystopia*, 1990) и Питером Ферчоу (*The End of Utopia: Aldous Huxley's Brave New World*, 1984). Со времени их публикации прошло немало лет. Несколько десятков ученых, в основном входящих в круг *Aldous Huxley Society*, проделали большую работу как по углублению знаний о романе, о его претекстах и контекстах, так и по расширению тех сфер междисциплинарных штудий – биоэтики, экологии, истории, искусствоведения, теории литературы, музыкальной критики и образования, – которые являлись предметом живейшего интереса Олдоса Хаксли.

дарстве одержана победа над болью. Все потребности граждан, эксплицированные в романе, удовлетворены. Жители Мирового Государства, по крайней мере те, что принадлежат к кастам «альфа» и «бета», выглядят молодыми, привлекательными и модными, т. е., по современным критериям, «гламурными». Следует ли считать индейскую резервацию, изображенную в романе, полновесной антитезой новомирской цивилизации? И, наконец, разве клонирование людей не есть благоразумное применение достижений генетики во благо всего человечества – ведь эта технология лежит в основе плановой экономики, тем самым выступая гарантией предотвращения кризисов и революций?

Есть и другие вопросы. Например, так ли последовательны и искренни сатирические нападки О. Хаксли на науку и технику? Действительно ли идея «мирового государства» казалась ему столь отвратительной? Разве цель достижения устойчивого «мира во всем мире» не оправдывает средства? В самом ли деле Олдос Хаксли считал результаты «неопавловского», бихевиористского воспитания безоговорочно негативными? Правда ли, что идея контроля над качеством и количеством человеческой популяции представлялась ему столь безнравственной? Каким на самом деле было отношение писателя к психофармакологическим способам воздействия на сознание, т. е. считал ли он применение наркотика «сома» излишним и безнравственным? Следует ли читателю воспринимать сатирическое изображение фрей-

довских схем в «Дивном новом мире» не критически, т. е. как надежное свидетельство резко отрицательного отношения О. Хаксли к Фрейд и фрейдизму? Как видим, очевидные и подспудные вопросы просто-напросто не могут быть оставлены без ответа, ибо единая картина созданного писателем художественного мира является непротиворечивой лишь на первый взгляд.

Эта книга – продолжение и своеобразный итог размышлений и изысканий, целью которых было ответить на вопросы, занимавшие меня в течение десяти лет, со времени публикации монографии «Наука и литература: археология научного знания Олдоса Хаксли» (2008). Она адресована не только профессиональным филологам, историкам науки и культуры XX в. Надеюсь, что мои комментарии позволят и широкому читателю по-новому взглянуть на три романа Хаксли об альтернативных мирах.

Глава I

Безумный мир и остров гармонии

1. Невротические комплексы

Писатель, думается, берется сочинять утопии не столько потому, что он по природе своей мечтатель, сколько потому, что – возможно, бессознательно – стремится изжить, экстериоризовать собственные неврозы и фобии, а не только свое «недовольство цивилизацией» (воспользуемся фрейдовским определением глобального охранительного невроза, который держит человека в плену культуры, не позволяя ему дать волю агрессии и прочим инстинктам). Нащупывая «больные пункты» (воспользуемся терминологией еще одного нелюбимого писателем ученого, И. П. Павлова), т. е. потаенные, равно как и явные страхи Олдоса Хаксли, я надеюсь точнее ответить на вопрос о том, почему роман «Дивный новый мир» получился таким двусмысленным, а также на другой вопрос – почему последняя утопия Хаксли, «Остров», вышла столь однозначной и, несмотря на это, столь привлекательной.

Создавая «Дивный новый мир», сатиру в духе Свифта, Хаксли проводил фундаментальный и сокрушительный се-

анс арт-терапии, самолечения творчеством, с целью не только разобраться в состоянии современного мира, но и справиться с одолевавшими лично его кошмарами. Нельзя не назвать те трагические события в биографии писателя, которые обусловили его интерес к психиатрии и психотерапии. Вопросы терапии в целом и в особенности психотерапии сильно волновали его из-за чувства некоторой отстраненности от мира, периодически обусловленной полной потерей зрения еще во время учебы в Итоне, и особенностями его интровертного психотипа.

В раннем возрасте, когда ему было всего восемь лет, Хаксли перенес первую тяжелую утрату: его мать умерла от рака. Вот как Джулиан Хаксли вспоминал их с Олдосом мать на ее смертном одре: «Никогда не забуду, какой иссохшей она выглядела, не забуду и то, как она отчаянно крикнула: “Почему я должна умереть, да еще и такой молодой!”»⁹ Этот удар судьбы, несомненно, оставил глубокую рану в душе писателя, о чем, в частности, свидетельствует тот парадоксальный факт, что воспоминания детства, связанные с матерью, по его собственному признанию, совершенно стерлись из его памяти – это, очевидно, подтверждает их болезненную остроту (по крайней мере, так трактует подобную работу сознания психоаналитическая теория вытеснения).

В «Дивном новом мире» смерти, ее физической и психологической стороне уделено особое внимание. Что придумал

⁹ Huxley J. Memories. Vol. I. London: Allen and Unwin, 1970. P. 38.

Хаксли для избавления новомирцев от смерти как страдания? Смерть как таковая не побеждена в этом жизнерадостном мире будущего. Жители Мирового Государства не стали бессмертными богами, они даже не живут дольше 60 лет. Однако этот факт, как и сама по себе мысль о скоротечности жизни, их ничуть не заботит. Это спасительная беззаботность вызвана, во-первых, тем, что смерти не предшествуют старость, уродство, слабость и боль, во-вторых, в жизни индивидуума отсутствует конечная цель – следовательно, не приходится сожалеть о том, что цель эта, возможно, не достигнута или о том, что она по каким-либо объективным или субъективным причинам недостижима. В целом бессмысленное времяпрепровождение, будь то работа или досуг, не вызывает у новомирцев сожалений о том, что оно может быть прервано. В-третьих, новомирский человек изначально одинок (данный факт не ощущается как экзистенциальная трагедия), ни к кому на свете не привязан, а потому не ощущает утрату другого. Но, в свою очередь, никто другой не скорбит о его кончине. Согласимся, что при таком положении дел смерть утрачивает все присущие ей пугающие свойства и перестает быть сколько-либо трагической.

Культ молодости в Мировом Государстве, по существу, равен культу инфантильности. Новомирцы не эволюционируют ни психически, ни духовно. Следовательно, они не достигают той мудрости, которая приобретается лишь в результате добровольного самоограничения, расширения горизон-

тов, углубления познания и самопознания. Им не доступна та дистанцированная позиция, которая помогает зрелому индивидууму смотреть на мир и самого себя через «более точную оптику». Все это – опыт чувств и опыт независимого мышления – приобретает лишь с возрастом. Но наша плата за эти приобретения столь высока, что многие читатели, думается, согласились бы поменять мудрость и боль утраты на молодость и веселье.

Воспоминания о смерти матери от рака, очевидно, преследовали Олдоса Хаксли до конца жизни, усугубившись в дальнейшем смертью его первой жены Марии от той же болезни, а затем и собственным онкологическим диагнозом писателя. Когда он заканчивал роман «Остров», то знал, что умирает. Смерти посвящены самые проникновенные страницы этой утопии. Воспоминания Уилла Фарнеби, главного героя, начинаются со смерти жены, с описания ее изуродованного в автомобильной аварии тела. Пугающе натуралистичны и описания смерти тети Уилла, Мэри, – от рака. Уилл навсегда запомнил ее истерзанное болезнью тело. Во время мокша-сессии Уилла посещают ужасающие видения смерти и нескончаемого «апокалиптически убедительного» страдания. Читатель «Острова» узнает, что пережить трагедию смерти – своей и чужой – с достоинством и радостной готовностью может лишь тот, кто постигнет науку танатологию¹⁰.

¹⁰ О теме смерти в текстах Хаксли см. работы Джереми Мекьера: Meckier J.

Следующим после смерти матери ударом и еще одной причиной несколько более глубокого интереса Олдоса Хаксли к психологии и терапии, чем обычно встречается у писателей, стало самоубийство его младшего брата Тревенана в период сильного приступа клинической депрессии. Хаксли тогда учился в Оксфорде. Этот трагический случай показал писателю, в какой степени человеческая жизнь может зависеть от качества и своевременности лечения: дело в том, что медицинский персонал клиники, в которой Трев проходил курс лечения, недооценил серьезность его состояния и оставил мальчика без присмотра. Кроме наследственности, не последнюю роль в развитии болезни Трева сыграл стресс, вызванный нешуточными перегрузками, которые честолюбивый подросток, потомок прославившихся на всю Англию людей, испытывал в элитарной школе Итон. Хаксли нередко размышлял о том, что, будь лечение более эффективным, врачи – более опытными, а стремление не посрамить честь прославленной семьи – более умеренным, трагедии можно было бы избежать.

Олдос Хаксли знал, что некоторые из близких родственников, в частности, старший брат Джулиан, знаменитый био-

On D. H. Lawrence and Death, Especially Matricide: “Sons and Lovers”, “Brave New World”, and Aldous Huxleys Later Novels // Aldous Huxley Annual. 2007. Vol. 7. P. 185–221; Meckier J. Cancer in Utopia: Positive and Negative Elements in Huxleys Island // Meckier J. Aldous Huxley: Modern Satirical Novelist of Ideas: A Collection of Essays / Ed. Peter E. Firchow and Bernfried Nügel. Berlin: LIT Verlag, 2006. P 293–304.

лог, также периодически страдают от депрессии. Судя по всему, страх утраты собственного психического здоровья преследовал и его самого большую часть жизни – это нередкая среди литераторов навязчивая идея (достаточно вспомнить Э. По, Гоголя, Мопассана и др.). Хаксли периодически переживал депрессивные состояния. Порой они были связаны с преследовавшими его вполне оправданными страхами потери зрения. Интроверт Хаксли, стремясь познать самого себя и, возможно, сберечь тем самым душевное здоровье, довольно рано стал усиленно заниматься психологией, а в дальнейшем психотренингами и психотерапией разных направлений.

Учтем и то обстоятельство, что всю жизнь О. Хаксли страдал от множества мелких недугов, большая часть которых имела явно психосоматический характер. Кристофер Ишервуд (1904–1986), известный писатель, киносценарист, переводчик «Бхагавадгиты» и друг Хаксли, характеризуя Олдоса, назвал его «исключительно чувствительным человеческим инструментом»:

Его здоровье было весьма неустойчивым. На этой неделе он выглядел бодрым и здоровым, даже полным сил, на следующей – изнуренным, разбитым, призрачным. Он страдал от самых разнообразных недугов, однако, казалось, они интересуют его в той же степени, как и беспокоят.

Он мог долго обсуждать их, отстраненно, не жалуясь. <...> И он, и Мария (первая жена писателя. – *И. Г.*)

так любили ходить по врачам, что их друзьям порой казалось, что они были готовы проконсультироваться у любого, хотя бы один раз, из чистого любопытства¹¹.

Хаксли изучил и испробовал на себе многие способы облегчения психосоматических недугов: слабая форма депрессии, необъяснимым образом колеблющееся зрение, порой полная слепота, хронический бронхит (удивительный для человека, который провел всю вторую половину жизни в сухом климате Калифорнии), проблемы пищеварения, разнообразные аллергии, боли в спине и, наконец, бессонница – очевидный симптом тревожности. Медицина интересовала писателя не только как «механика живых организмов», но и как искусство врачевания. Он смело проводил над собой нетрадиционные терапевтические эксперименты, позволяя себя гипнотизировать, подвергать воздействию «оздоровительных токов» и психоделиков.

Никакие болезни и личные трагедии, будь то ранняя слепота, преследовавшие его детские комплексы, вынужденная эмиграция, творческие неудачи, смерть первой жены и даже собственная тяжелая болезнь и умирание, не отвлекли Олдоса Хаксли от главной цели его существования – поиска смысла индивидуального бытия наравне с поиском подлинного общественного Блага и, что еще важнее, способа примирения одного с другим.

¹¹ Aldous Huxley 1894–1963. A Memorial Volume / Ed. Julian Huxley. New York: Harper & Row, 1965. R 157.

Мемуары родственников и друзей Хаксли дают и другие объяснения его психологическим и медицинским увлечениям. Так, например, причину этих и более обширных научных интересов, его *cscientist manqué*, некоторые усматривали в общей гуманистической установке писателя, в его желании облегчить не только собственные, но и чужие страдания. Что до его психоделических опытов, то, по всей видимости, кроме стремления на собственном опыте понять психофармакологическое воздействие наркотиков и таким образом удовлетворить свою страсть ученого-экспериментатора, он хотел всколыхнуть некие личные и в то же время универсальные образы и переживания, которые его подсознание открывало лишь под воздействием галлюциногенов.

«Он всегда хотел осознать бессознательное, а оно проявлялось именно под воздействием наркотиков», – писала Джульетта, жена его брата Джулиана¹². Она также полагала, что Олдосу было неизменно интересно все то, что могло бы облегчить людские страдания, поддержать здоровый дух в здоровом теле (НМ, 56882, 8).

Еще в середине 1930-х гг. Олдос Хаксли приходит к следующей мысли:

<...> Существует понимание «не-я» и понимание «я». Всецело понимающая личность понимает как саму себя, так и внешний мир <...>. Если стремиться

¹² Dunaway D. K. Aldous Huxley Oral History Papers. Huntington Library. НМ 56885. P. 5. (Далее – НМ).

к пониманию себя, то следует осознавать свои действительные мотивы, тайные истоки своих мыслей, чувств и поступков, природу своих настроений, импульсов и ощущений <...>. Ни одно это не может выйти за пределы собственного эгоизма, нравственно <...> или мистически <...>, пока оно полностью не осознает, чем является и почему является тем, чем является. Самоотрансценденция происходит через самоосознавание¹³.

Как видим, писатель говорит о необходимости интроспекции. Более того – о том, что для верного понимания себя и других следует, по всей видимости, обратиться к науке психологии, ибо она как раз и занимается изучением эмоций, восприятия, мотивации, каузальностью поведения, динамической структурой сознания и пр. Научная интроспекция, таким образом, оказывается предварительным условием.

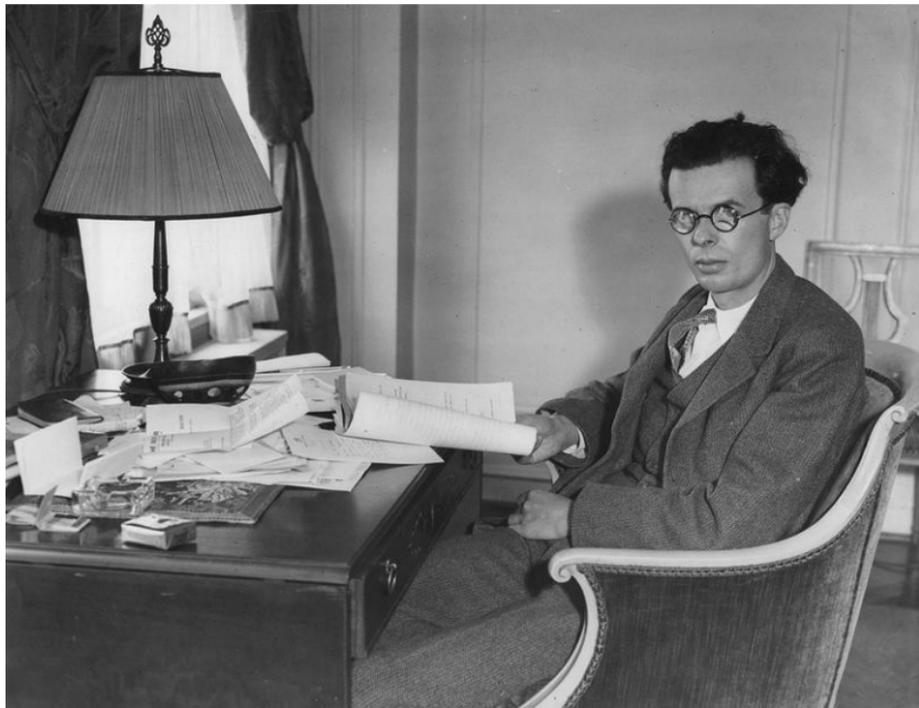
Мало кто из литераторов мог бы похвастаться столь обширными, как у Хаксли, познаниями в различных областях психологии и связанными с ней медицинскими теориями и исследованиями. Данный факт, разумеется, любопытен и значителен сам по себе.

Особенно важным был для Хаксли вопрос о соотношении телесного и психического. Не потому ли писателя так занимала телесноментальная проблема, что всю жизнь, несмотря на все его мужество, телесные недуги доставляли ему не

¹³ Huxley A. Complete Essays of Aldous Huxley: In 6 vols / Ed. R. S. Baker and J. Sexton. Chicago: Ivan R. Dee, 2000–2002. Vol. IV. P. 400–402. (Далее – СЕ).

только физические муки, но еще и психологические мучения и неудобства? Вполне естественно, что он пытался найти наиболее адекватный и комфортный способ сосуществования своего активного разума и лабильной психики с нездоровым телом. Отсюда его неприязнь к любой психологической теории, не учитывающей телесную, соматическую составляющую.

Под влиянием теории Уильяма Шелдона писатель принял специфический самоанализ, прежде всего, совершенно точно определив свой соматический тип. В самом деле, трудно не согласиться с тем, что писателя следует отнести к *эктоморфам*. Шелдон характеризовал эктоморфа как обладателя тонкого и хрупкого тела, в пропорции к размерам – наибольшим мозгом, наделенного чувствительностью и нервозностью, сверхчувствительного к внешней стимуляции и слабо пригодного к физической, особенно соревновательной, активности.

Ил. 1. Олдос Хаксли в нью-йоркском отеле Эссекс-Хаус

Хаксли был необычайно высоким, щуплым человеком с большой головой. Некоторым он напоминал гигантского вытянутого кузнечика. Его сутулость и подслеповатость (с юности он был слабовидящим в результате болезни глаз, а порой его зрение ухудшалось вплоть до слепоты) придавали его облику отстраненность и некоторую отрешенность, вероятно, настораживавшую тех, кто не был с ним хорошо знаком. Однако после непродолжительного общения писатель представлялся перед новым собеседником открытым, симпатичным,

сочувствующим и живо интересующимся всем на свете человеком.

Что же до поведенческой, собственно психологической, характеристики, то О. Хаксли отнес себя к шелдоновской группе *церебротоников*. Церебротоники, по Шелдону, сдержаны, скрытны, застенчивы, лучше всего адаптируются в небольших группах, беспокойны, имеют проблемы со сном, часто предпочитают одиночество. Все эти характеристики вполне могут быть отнесены к писателю, который в одном из эссе 1944 г. подытожил характеристику своего психотипа:

Церебротоник – сверхвозбудимый, сверхчувствительный интроверт, гораздо больше озабоченный внутренней вселенной собственных мыслей, чувств и воображения, нежели внешним миром <...>. Осанка и движения церебротоника напряженные и сдержанные. Его психические отклики могут быть поспешными, а его физиологические реакции – неприятно острыми <...>. Ярко выраженные церебротоники <...> имеют страсть к уединению, не любят быть на виду <...>. В компании часто бывают робкими и могут неожиданно впасть в уныние <...>. Во внешних проявлениях они скованы и сдержаны, и когда им нужно выразить свои чувства, они кажутся настолько скованными, что висцеротоники зачастую подозревают их в бессердечии¹⁴.

¹⁴ См. иллюстрированную статью Хаксли «Кто ты такой» (Who Are You // *Harpers*. V. 189. Nov. 1944. P. 512–522. Цит. на с. 519). В статье наглядно

В книге «Вечная философия» (*The Perennial Philosophy*, 1946), посвященной вопросам религии и мистицизма, Хаксли вновь обращается к вопросу о том, как конкретный психотип предопределяет не только судьбу и характер, но и религиозные «предпочтения». Особенно подробно писатель останавливается на церебротониках. Случайно ли это? Полагаем, что это обстоятельство обусловлено «искусом самоанализа». Посмотрим на те новые подробности, которые Хаксли добавил к косвенной самохарактеристике, где появились такие определения, как «особенный», «переразвитый и почти нежизнеспособный», «подверженный непредсказуемым приступам меланхолии»:

<...> Интровертному церебротонику непросто найти свое место в окружающем его мире вещей, людей, в обществе с его укладом. В результате выраженных церебротоников редко встретишь в числе обычных граждан.<...> В университетах, монастырях и исследовательских лабораториях <...> процент невероятно одаренных и образованных церебротоников всегда будет очень высок¹⁵.

изложена суть работы Шелдона «Разнообразие темпераментов» (Sheldon W. *The Varieties of Temperament: A Psychology of Constitutional Differences*. New York: Harper and Brothers, 1940). Шелдону также посвящены статьи Хаксли «Где вы живете?» (*Where Do You Live?* // *Esquire*. May 1956). В своей последней книге «Литература и наука» он вновь возвращается к вопросу о влиянии физических различий людей на их темперамент.

¹⁵ Хаксли О. Вечная философия / Пер. с англ. Е. Бондаренко. М.: Эксмо, 2004. С. 234–235.

Проанализировал он и тот специфический путь к познанию и просветлению, что пригоден именно для церебротоников. Хаксли считал, что церебротонику (читаем – ему самому) следует избегать интроверсии и воображения ради них самих. Самоанализ не должен быть самоцелью. Путь знания для церебротоника заключается в том, чтобы «изменять сознание, пока оно не перестанет быть эгоцентричным и не сосредоточится и не сольется с Божественным Основанием»¹⁶. В качестве примера церебротоника, успешно преодолевшего недостатки своей природы, Хаксли называет не кого иного, как Христа (!!!). Можно предположить, что этим, на мой взгляд, наименее адекватным, по причине бездоказательности, примером он сознательно ставил высочайшую планку для своего будущего духовного самосовершенствования. Соображение, по которому он определяет Христа как церебротоника, писатель обосновывает по-шелдоновски:

<...> Традиционно Иисус виделся как человек преимущественно эктоморфного сложения, а это подразумевало, что и преимущественно церебротонического темперамента. Сердцевина изначального христианского учения подтверждает верность этой иконографической традиции. Евангельская религия – это то, чего можно ожидать от церебротоника; хотя, конечно же, не от всякого, но от того, кто использовал особенности своего

¹⁶ Там же. С. 235–236.

природного психофизиологического строения для того, чтобы превзойти природу, кто, следуя своей особенной дхарме, достиг духовной цели¹⁷.

Хаксли считал, что изучение причин и механизмов психосоматических расстройств гораздо важнее спекулятивных рассуждений о стрессах, вытеснении и зажимах. Так, в одном из писем, адресованных брату Джулиану Хаксли, от 27 мая 1945 г. он подводит итоги прочитанной литературы по психоневрозам и их лечению, включая в картину работы сознания понятия, заимствованные из восточных учений:

Если человек не взаимодействует (с Дао, с Таковостью), если считает себя автономной сущностью, если главной его заботой является его самоосознающее эго, тогда все разлагается на всех уровнях – от физиологического до духовного. Он вмешивается в нормальное функционирование собственного организма, беспокоится и нервничает, доводя себя до язвы желудка, до плохого зрения, гипертонии и всех бесчисленных заболеваний, которые сейчас даже самые консервативные доктора вынуждены связывать с болезненными состояниями сознания. В то же самое время он отрывает себя не только от «животной благодати» нормального и естественного функционирования, но и от ментальной и духовной благодати – благодати, например, эстетического

¹⁷ Хаксли О. Вечная философия. С. 243.

переживания <...>¹⁸.

Письма и статьи второй половины 1950-х демонстрируют неослабевающее, несколько наивное желание подыскать панацею, то есть средство, действительно приводящее к более или менее скорому психическому выздоровлению.

С 1956 г. Хаксли увлекается обсуждением такого, казалось бы, далекого от теоретической полемики вопроса, как строительство, обустройство и организация психиатрических лечебниц. Впрочем, ввиду его интереса к терапии, а также в связи с некоторыми семейными обстоятельствами, эта тема оказалась ему небезразличной. Несомненно, писатель запомнил, к чему привело то лечение, что получил его младший брат. Очевидно, писатель осознавал, что депрессия в роду Хаксли – наследственная болезнь.

В 1956 г. Хаксли публикует в *Esquire* (June 1956) статью «Безумие, грех, печаль» (*Madness, Badness, Sadness*), где восторженно описывает известную ему психиатрическую клинику, расположенную между Лос-Анджелесом и Лонг Бич, создатели, организаторы и персонал которой делают все, что в их силах, чтобы облегчить страдания тех, кого душевная болезнь заключила в одиночные, отделенные от нашего мира, личные чистилища. В связи с этим Хаксли вспоминает, как в свое время посетил отделение для буйнопомешанных в Кашмирской больнице, где их содержат в грязных и крошеч-

¹⁸ Huxley A. *Letters* / Ed. G. Smith. New York; Evanston: Harper & Row, 1969. R 527. (Далее – Letters).

ных клетках, меньших, чем обезьяны вольеры местного зоопарка. Для тех читателей, что спешили объяснять подобное зверство «дикостью населения и отсутствием цивилизации», Хаксли приводит краткий экскурс в историю западной психиатрии, ссылаясь на авторитетный труд Грегори Зильбурга «История медицинской психологии» (1941)¹⁹. Зильбург приводит душераздирающие подробности жизни в домах скорби и многочисленные примеры насилия со стороны медиков и священников – обычной практики во всех христианских «цивилизованных» странах. Статья Хаксли – призыв к совместным действиям профессионалов и правительства в стране, где, по его сведениям, почти половина больничных коек занята людьми с психическими расстройствами:

Количество неврозов и психозов возрастает. Нам нужны все более крупные больницы, более милосердное обращение с пациентами, больше психиатров, больше таблеток. Все это нужно срочно. Но это не решит нашу проблему. В этой области профилактика несравнимо важнее лечения, ибо лечение всего лишь вернет пациента в среду, порождающую душевное расстройство. Как же добиться профилактики? Это вопрос ценой шестьдесят четыре миллиарда долларов... (СЕ. Vol. VI. P. 188).

Хаксли был далеко не единственным, кого ужасала леде-

¹⁹ Zilboorg G. A History of Medical Psychology. New York: W. W. Norton & Co., 1941. Зильбург, обладавший разнообразными талантами, перевел в 1924 г. роман Е. Замятина «Мы» для нью-йоркского издательства Dutton.

нящая, «готическая», а главное – травмирующая психику атмосфера, царящая в подобных заведениях. Главная ошибка архитекторов, по мнению Хаксли, состояла в планировке огромных корпусов с бесконечными коридорами, которые напоминали «кошмарные туннели, описанные в “Падении Дома Ашеров”» (*Letters*, 846). До конца жизни Хаксли продолжал интересоваться этой темой, узнавая о любых улучшениях в организации психиатрических клиник.

В марте 1960 г. Хаксли начинает трудиться в «святой святой психоанализа» – в Фонде Меннингера в Топике, получив грант на шесть месяцев. Фонд Меннингера включал в себя тогда 12 больниц, школы для умственно отсталых и малолетних преступников и пр. Штат Фонда насчитывал около 159 психиатров. Хаксли познакомился там с Гарднером Мерфи, с Людвигом Бергаланффи, а также с Уильямом Сарджентом, в то время главным психиатром лондонской Больницы Св. Фомы (*Letters*, 888).

Он читает лекции. Его несколько раз допускают к работе других сотрудников с группой пациентов, страдающих шизофренией. Методы, применявшиеся тогда в клиниках Топики при групповой терапии, были весьма разнообразны. Например, применялась музыкальная терапия. Хаксли также выступил несколько раз в качестве терапевта, используя один из рецептов своей второй жены, Лауры Арчеры. По его словам, результаты превзошли ожидания. Лишь одному-единственному больному так и не удалось покинуть пре-

дела сумеречного мира искаженного сознания и непосредственно соприкоснуться с действительностью «здесь и сейчас». А между тем, по его словам, до начала упражнения, пациенты не проявляли никакого желания общаться. Выполнив его упражнение участники смогли вступить в контакт и с терапевтами, и друг с другом, начали задавать вопросы и отвечать на них, рассказывать случаи из собственной жизни. Эти рассказы иногда сопровождалась весьма здравыми комментариями других участников групповой терапии. Тот факт, замечает Хаксли, что столь тяжело больные люди оказались способными на подобную реакцию, подтверждает действенность метода. Он был совершенно уверен, что невротики, тем более пациенты, чьи проблемы разрешимы еще легче, смогут добиться еще более поразительных результатов²⁰.

Хаксли стремился к самосовершенствованию не только в психосоматическом плане, но и в этическом, пытаясь найти идеальные рецепты для здоровья души, без которого не может быть достигнута гармония в жизни. Чем старше он становился, тем интенсивнее погружался в размышления о «флоре и фауне глубинного слоя подсознания» (*Letters*, 693), тем явственнее осознавал иллюзорность своего отшельничества (в принципе, естественного для писателя), тем сильнее было его сочувствие, пришедшее на смену любопытству со-

²⁰ Huxley A. Foreword // Huxley L. A. *You Are Not the Target*. New York: Farrar, Straus & Co., 1963. P. XI–XIV. Об этом подробнее см. Гл. III.

бирателя характеров.

В обоих браках Хаксли подсознательно искал и, к счастью, обретал поддержку. Первая жена писателя, бельгийка Мария Нис, стала его «глазами», помогая ему не только физически ориентироваться во внешнем мире, но и адаптируя его к отношениям с новыми людьми. Пребывая в оковах, созданных его сознанием ограничений, он, бесспорно, испытывал сильные затруднения в эмоциональной сфере. Поисками большей психосоматической гармонии объясняются его разнообразные опыты телесно-ориентированной терапии.

В одном из писем, отправленных после смерти Марии, Олдос признается: «Если я в какой-то мере научился быть человеком – *а у меня были в этом смысле громадные проблемы* (курсив мой. – И. Г.) – то этим я обязан ей» (*Letters*, 740). После ее смерти Грейс Хаббл, вдова великого астронома и близкий друг Хаксли, записала в дневнике, что Олдос часто и с готовностью говорит о покойной жене, но в его словах нет никакой интимности. Эллен Ховди, невестка Хаксли, подтверждала: «Он был несколько не в ладах с собственным телом <...>. Думаю, что это мучило его. Если тебе придется прибегать к серьезному наркотику, чтобы поплакать, то у тебя проблемы с телом. Думаю, что у него часто были проблемы с телом»²¹.

Лаура Арчера, дружившая с супругами Хаксли, также

²¹ Dunaway D. K. Aldous Huxley Oral History Papers. Huntington Library. HM 56897. P. 36.

неслучайно стала новой женой писателя через год после смерти Марии. Олдосу требовалась новая опора. Однако эта новая поддержка была принципиально иной. В отличие от покойной Марии, Лаура не стала личным шофером и секретарем писателя. Напротив, она, активно занимаясь собственными профессиональными делами, в большой степени предоставила писателя самому себе. Так, на склоне лет он стал самостоятельно путешествовать, ездить на многочисленные конференции и в университеты на обоих побережьях США с целью прочесть единичную лекцию или даже целый лекционный курс. Ему приходилось зачастую подолгу жить одному. Оказалось, что он вполне может со всем этим справиться.

К моменту знакомства с Хаксли Лаура уже практиковала психотерапию. Именно она помогла Олдосу дать выход его горю с помощью гипноза, дианетики и ЛСД. Эти процедуры, как надеялся писатель, должны были, кроме всего прочего, помочь ему восстановить память о детстве. Хаксли считал, что отсутствие ранних детских воспоминаний свидетельствуют о наличии не только психического вытеснения и, возможно, незарубцевавшейся душевной травмы, но и физического «зажима».

Кроме того, писатель признался, что, выполняя упражнения, описанные в книге Лауры, он наконец-то применил на практике то, что, «будучи теоретиком человеческой натуры», проповедовал: человек многогранен, обладает мно-

гими качествами и способностями, подобно амфибии. (Об этом его статья «Воспитание амфибии» (*The Education of the Amphibian*, 1956.) Следовательно, к его проблеме надо подходить со всех сторон, одновременно используя все многообразие психотерапевтических техник.

Так или иначе, вторая жена сыграла важнейшую роль в расширении этой сферы увлечений писателя. Во время работы над своим последним романом «Остров» (1962) – психотерапевтической утопией – Хаксли воспользовался описаниями некоторых особенно эффективных методов, которые Лаура практиковала с пациентами. В предисловии к ее книге «Ты – не мишень» (1963), где автор изложила свои рецепты поддержания душевного здоровья, О. Хаксли признается:

Некоторые из ее рецептов (например, рецепт «Трансформации энергии») почти без изменений нашли место в моей фантазии. Другие были изменены так, чтобы соответствовать потребностям придуманного мною общества и подходить его культуре²².

Судя по всему, Хаксли остался верным этой концепции. Библиографический список прочитанных им работ по психосоматической медицине, общей психологии и психотерапии самых разных направлений стремительно увеличивался. В 1949 г., прочитав только что опубликованный труд Людвига фон Берталанффи «Проблемы жизни» (*Das biologische*

²² Huxley A. Foreword // Huxley L A. You Are Not the Target. P. XIII.

Weltbild, 1942; английский перевод *Problems of Life* появился лишь в 1952 г.), он послал ему восторженный отзыв, отметив особо, что нашел в авторе книги тот идеал, которого ему не суждено было достичь самому. Если бы он почти не ослеп в юности, признается Хаксли корреспонденту, то продолжил бы свое биологическое и медицинское образование и стал бы ученым, соединяющим воедино разрозненные области знания: биологию, философию, литературу и пр. Это позволило бы ему «проникнуть в самую суть живой реальности, чего никогда не сможет добиться даже самый образованный и одаренный профессионал» (*Letters*, 603). В этих словах, как мне представляется, следует видеть нечто большее, чем комплимент корреспонденту. В них – писательское кредо зрелого Хаксли, весьма удачно сочетавшего литературу и науку в своем творчестве.

В очередном письме к Берталанффи О. Хаксли подтверждает свою увлеченность проблемой связи работы организма с функционированием сознания:

<...> Меня все больше интересует связь самоосознающего эго с психосоматическим организмом в целом <...>. Каждый конкретный человек сталкивается с главными практическими вопросами: Как помешать моему эго вызывать психосоматические расстройства? Как помешать моему эго затемнять внутренний свет... и <...> держать меня в оковах иллюзий в темноте? (*Letters*, 654).

Речь идет, разумеется, только о тех людях, которые не просто испытывают недомогание, но и ищут концептуальное объяснение происходящему с ними. Это письмо свидетельствует о том, что он причислял к таким людям *себя*, и что эти вопросы важны именно для *него*, и не только в связи с абстрактным научным интересом. Это косвенное признание того, что он измучен слабым здоровьем и хотел бы найти как объяснение проблемы, так и лекарство от нее. Нет сомнения, что, найдя секрет здоровья, он, без сомнения, поделился бы им со всем миром.

2. Политика как биография: война, революция и снова война

Как ни странно, критики романа «Дивный новый мир» упускают из виду антивоенный посыл этого текста. Такое пренебрежение очевидным образом объясняется тем, что, как и во всякой утопии, в этом романе читателю действительно предъявлена апология стабильности, хоть и в довольно ироничном исполнении. Стабильность и благоденствие в дивном Мировом Государстве обеспечены, по Хаксли, прежде всего, отсутствием военного противостояния с кем бы то ни было. Мирное течение жизни воспринимается жителями как само собой разумеющееся. Канувшие в историю войны представляются им доисторическими событиями.

Не рискну назвать «Дивный новый мир» антивоенным романом. Но не будем игнорировать то, что он создавался в десятилетия, отделявшие одну мировую бойню, прежде немыслимую по своим масштабам и жестокости, от другой, еще более катастрофичной для коллективного тела и сознания и без того основательно разрушенного Запада, который, как полагали многие, был устремлен к прогрессу и гуманизму, но оказался подверженным древнейшим изъянам – дикости и авторитаризму. Прогресс второй раз обернулся варварством. Что думал о войне (о любой войне) Олдос Хаксли

ли, который, как и большинство его современников и единомышленников, почти не сомневался в конце 1920-х гг., что мир в обозримом будущем постигнет очередная глобальная катастрофа?

Первый шок: Великая война

Переписка Олдоса Хаксли, относящаяся к Первой мировой войне, предоставляет в наше распоряжение свидетельства переживаний молодого интеллектуала, который по воле судьбы не оказался на фронте в отличие от большинства сверстников. Его корреспонденция – своего рода отчет о переменах в жизни страны в целом, его круга и университета, в частности. Это не столько рассказы о трагических событиях Великой войны, сколько их отзвук, дающий нам основание судить о том, как трансформировалось его восприятие войны и мира.

Осенью 1914 г., после вступления Англии в Великую войну, Олдос Хаксли, в то время студент Оксфорда, писал: «Когда почти все ушли на фронт, ценишь немногих оставшихся друзей гораздо больше, чем прежде. Начинаешь понимать, что значила их дружба, только после того, как они ушли» (*Letters*, 63). Призыв на фронт опустошил ряды его однокашников. Картина почти безлюдного университета вызвала оторопь у второкурсника Хаксли. В ноябре в Колледже Баллиол расквартировали 250 «грубых солдафонов»,

примерно пятеро были размещены прямо в бывшей комнате Хаксли. В письме к Джулиану он выразил надежду на то, что они нанесут минимальный ущерб помещению и отмечает: «Все без исключения мои приятели ушли на фронт, остались присматривать за местом лишь самые неприятные люди с моего курса – такова жизнь. Однако я не очень-то связан сейчас Баллиолом, так как живу в основном в Червиле» (*Letters*, 127). (Червил – название большой усадьбы на севере Оксфорда, куда владельцы, семейство Холденов, пригласило Олдоса пожить после самоубийства его брата Тревенана в августе 1914 г.)

Сохранилось несколько фотографий того периода, на которых Хаксли запечатлен с однокашниками Сесилом Коуксом и Стивеном Хьюитом на скамейке в саду Колледжа (Хьюит в военной форме с забинтованной рукой в повязке). Обоим близким друзьям писателя, наряду с более чем миллионом других солдат, было суждено погибнуть в битве на Сомме, считающейся самым кровопролитным сражением Первой мировой войны. На второй фотографии Хаксли с Рупертом Феллоузом в одном из садов Баллиола. Феллоуз также погиб на фронте в 1918 г.²³

²³ Подробнее о годах, проведенных Хаксли в Оксфорде, см. Poller J. “These Maximal Horrors of War”: Aldous Huxley, Garsington and the Great War // Aldous Huxley Annual. 2006. Vol. 6. P. 63–75; Bradshaw D. “A Blind Stay-at-Home Mole”: Huxley at Oxford, 1913–1916 // Aldous Huxley Annual. 2012–2013. Vol. 12, 13. P. 195–222.

C. Coxe Aldous Huxley S. Hewlett

Ил. 2. Олдос Хаксли, Сесил Коукс и Стивен Хьюит в саду Колледжа Баллиол в Оксфорде

19 января 1915 г. дирижабли графа Цеппелина впервые в истории нанесли бомбовые удары по Великобритании. Нападению с воздуха сначала подверглись прибрежные города Грейт-Ярмут и Кингз-Лин. В первое время немецкое командование избегало атак на британскую столицу. Описывая жизнь Колледжа Баллиол в январе 1915 г., Хаксли не упомянул авиаудары, но отметил, что внутренняя жизнь учебно-

го заведения стала зеркалом внешних обстоятельств. О степени ксенофобии (германофобии) свидетельствовал анекдотический случай, произошедший с его сокурсником Ройбе-ном Бусвайлером. Тот вернулся с каникул в колледж под другим именем: «Теперь его зовут Рональд Бозуэлл. Довольно изобретательно!» (*Letters*, 65). Такова была новая реальность: массовый антигерманизм охватил все слои населения.

Почти сразу после того, как Британия вступила в Первую мировую войну, в стране произошли массовые беспорядки. Так, в августе 1914 г. по Лондону прокатилась первая волна погромов. Толпа громила магазины, принадлежавшие немцам. Ненависть к врагу порой опережала политические акты. (Интересно, что два лишь года спустя, в 1917 г., британская королевская семья, прежде Саксен-Кобург-Готская, была переименована в Виндзорскую династию по решению Георга V.)

Aldous Huxley Rupert Fellows

Ил. 3. О. Хаксли и Руперт Феллоуз в саду Колледжа Бал-

лиол в Оксфорде

Вернувшись к началу весеннего семестра, студенты, по тем или иным причинам еще не призванные на военную службу, обнаружили, что перспектива продолжить полноценное обучение весьма сомнительна. Ведь даже те, кто еще находились в Оксфорде, ожидали отправки в войска весной. На курсе, на котором числился Хаксли, осталось всего два студента.

Чтобы состоялся осенний семестр, война должна закончиться к сентябрю. Но, полагаю, это будет Тридцатилетняя война, следовательно, вряд ли семестр состоится. Весь этот треп о том, кто начал заваруху, отвратителен. Само собой разумеется, что немцы лгут... и все же разрешить этот вопрос сможет лишь историк в 2000 г... (*Letters*, 65–66).

Aldous Huxley & his favourite shrub

Ил. 4. О. Хаксли и его «любимый куст». Колледж Баллиол.

Вот одно из характерных писем Хаксли, отправленных из Оксфорда ранней весной 1915 г.:

Сегодня настоящий весенний день. Солнце, голубое небо, птички поют – все это очень бодрит после всех этих сумрачных недель, когда были сплошные дожди да грязь. И все же жутко думать о всех тех, кто ждет весны, – для них она означает лишь то, что они смогут вступить в бой с еще большим ожесточением. Но, возможно, все к лучшему, если это немного приблизит конец войны. После этой войны, полагаю, депрессивные сочинения выйдут из моды: Ибсен, Голсуорси и подобная чушь станут *démodé*. Надо будет писать бодрящие книги... хотя бы для разнообразия, чтобы отвлечься от ужасов жизни. <...> Уверен, впереди большие перемены (*Letters*, 68).

Перспектива быстрого завершения войны оказалась обманчивой. В холлах Колледжа Баллиол обновлялись списки погибших, раненых и пропавших без вести студентов и преподавателей, многих из тех, кто преподавал Хаксли или был его другом. Писатель не мог не замечать безудержной ксенофобии и шпиономании, охвативших нацию. В письме отцу от 26 апреля 1915 г. он констатировал: «Мы теряем голову и чувство юмора – скоро дело дойдет до сочинения Гимнов ненависти. Вот тогда нам конец» (*Letters*, 70).

Буквально через несколько дней оказалось, что слова о

«гимнах ненависти» – пророческие. Катастрофа крупного английского пассажирского судна «Лузитания», потопленного немецкой подводной лодкой 7 мая 1915 г., вызвала в Англии волну многотысячных манифестаций. Погромы охватили не только столицу, где были разрушены около двух тысяч магазинов и контор, но и Ливерпуль, Манчестер, Ньюкасл и другие города. Народные массы призывали правительство интернировать всех британских немцев. Если в первые месяцы войны британский истеблишмент еще не пришел к единому решению касательно антигерманских мер, то отныне стали применяться весьма жесткие санкции: многих этнических немцев выдворили из страны, часть эмигрировала добровольно. После 13 мая 1915 г. большинство оставшихся немцев призывного возраста (кроме тех, кто родился в Великобритании) было принудительно отправлено в специальные лагеря.

Что до самого Хаксли, то следует отдать ему должное: он не потерял ни присутствия духа, ни чувства юмора, ни вкуса к серьезным шуткам. Его письмо от 18 мая 1915 г. свидетельствует об активной университетской и общественной жизни, равно как и об обширных интересах, в частности, к проблемам школьного образования, что довольно неожиданно, во-первых, для совсем молодого человека, во-вторых, для столь драматичного периода в жизни университета и страны в целом. С момента отправки этого письма оставалось двенадцать дней до первой в истории воздушной бом-

бардировки Лондона. (В первые месяцы войны кайзер Вильгельм не решался отдать приказ нанести воздушные удары по столице.)

31 мая 1915 г. немецкий дирижабль, цеппелин, сбросил мощные бомбы на английскую столицу. Но даже это трагическое событие не лишило Хаксли разума, надежд и желания подтрунивать над ужасом, нависшим над Англией. В конце июля он признался: «Я не пессимист. Я думаю, что все сложится хорошо. В конце концов мы сведем весь хаос к некому единому принципу, к Абсолюту, который сейчас существует лишь потенциально; его природу мы можем пока лишь смутно улавливать» (*Letters*, 73). Этот тезис есть сумма размышлений над реальными обстоятельствами (война и сопутствующее ей зло) и абстрактными материями (единство, гармония, Мировая Душа и пр.), что свидетельствует об особом таланте писателя – таланте видеть в частном общее и сводить эти противоположности в едином пространстве текста.

А между тем, с мая месяца 1915 г. налеты дирижаблей на Лондон стали регулярными. Воздушные атаки неизменно случались в хорошую погоду и в безоблачные ночи (пилоты ориентировались по Темзе, блестящей в лунном свете). Слово «цеппелин» вошло в повседневный обиход. О том, с какой выдержкой и чувством юмора Хаксли относился к происходящему кошмару, свидетельствует, например, письмо к Наоми Холдейн. Он сообщает, что его брата Джерваса отправили «к чертям», очевидно, в пункт сбора перед от-

правкой на фронт. «Полагаю, он уже договорился о том, чтобы его периодически возвращали сюда подлечиться от сенной лихорадки» (*Letters*, 74). Письмо заканчивается следующим остроумным пассажем: «Ты слышала очаровательную историю о напечатанной молитве, обнаруженной у пленного немца? Начинается так: «“Господи! Ты, который правит в небесах над серафимами, херувимами и цеппелинами...” Прелестно» (*Letters*, 74)²⁴.

8 сентября 1915 г. цеппелин – гигантская сигара – пролетев над собором Св. Павла, сбросил трехтонную бомбу, самый разрушительный снаряд того времени, на финансовый центр Британии²⁵. Как же Хаксли отреагировал на эту бомбардировку? Его сентябрьское письмо, на первый взгляд, целиком посвящено литературе – свежим романам и рецензиям в прессе. В нем ничего не говорится об ужасающей реальности войны, о бомбах, падающих на города. Послание завершает шутка на тему плохой погоды, преподнесенная в качестве пародии на все еще модного Метерлинка:

Дождь все не кончается. Льет день за днем, очень напоминает сцену из Метерлинка.

ПЕРВЫЙ ПАРАЛИТИК. Ох, ох. Льет дождь. Наверное, сыро.

ВТОРОЙ ПАРАЛИТИК. Но как же мрачно. Нет ни

²⁴ “O Gott, Du, Der über Seraphinen, Cherubinen und Zeppelin im höchsten Himmel thronst..”

²⁵ См.: Castle I. London 1914-17: The Zeppelin Menace. Oxford: Osprey Publishing, 2008.

огонька. Очень тоскливо.

ТРЕТИЙ ПАРАЛИТИК. Вы забыли, что я еще и слепой. Я не вижу, насколько все мрачно. Зато мне что-то слышится. Я уверен, что я слышу какие-то звуки. Это цеппелин. Наверное, что-то случится.

ТРИ ПАРАЛИТИКА ВМЕСТЕ. Ох, ох. Мы не можем пошевелиться. Как же тоскливо. И конечно, очень досадно. Как это нас раздражает. Да, нас это раздражает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.